

Невеста с Рейвенхолла

Кейт Тремейн

Кейт Тремейн

Невеста с Рейвенхолла

<https://litres.ru/74663249>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шарлотта Эштон, 20 лет, выросла в строгом пансионе при монастыре в Бате. После смерти отца она — бедная родственница в черном платье, которой некуда идти, кроме мрачного Рейвенхолла на скалах Корнуолла.

Николас Тремейн, 27 лет, младший брат лорда Рейвенхолла. Красивый, циничный повеса, промотавший состояние в Лондоне. Он уверен, что любую женщину можно купить, и заключает пари: растопит эту ледышку за неделю.

Ее холодность — его главный вызов. Его нахальство — ее главный кошмар. Но когда в ее башне во время грозы протекает крыша, Николас всю ночь чинит ее сам, мокрый и молчаливый. И Шарлотта впервые видит в нем мужчину.

Ей нельзя повторить грех матери. Ему надоело быть «запасным» наследником. Целомудренный, чувственный роман о том, что уважение нельзя купить — его можно только заслужить.

Кейт Тремейн

Невеста с Рейвенхолла

Глава 1. Наследник

Рейвенхолл стоял на самом краю Корнуолла уже третье столетие — серый камень, обглоданный ветрами, узкие окна-бойницы, смотрящие прямо в Атлантику. В шторм казалось, что море хочет забрать его обратно. В штиль — что дом сам хочет уйти в море, лишь бы не смотреть на пустошь вереска, что окружала его со всех сторон.

В Лондоне говорили, что Рейвенхолл — место ссылки. Сюда отправляли младших сыновей, вдов и тех, у кого не хватало денег, чтобы жить в Бате. И в октябре 1814 года сюда прибыл Николас Тремейн.

Ему было двадцать восемь лет. Высокий, темноволосый, с тем небрежным изяществом, которое дается только хорошим портным и плохими привычками. В Лондоне он был известен как человек, который никогда не отказывался от пари, от бокала и от чужой жены. Младший сын младшего сына,

он не должен был унаследовать ничего, кроме долгов своего отца.

Но старый лорд Рейвенхолл, его двоюродный дед, рассудил иначе. Старик был из того поколения, что верило в майорат крепче, чем в Бога. В своем завещании, составленном в 1809 году и скрепленном печатью в Труро, он написал ясно:

— «Поместье Рейвенхолл, с землями, угодьями, деревней Пенрин и всеми рентами, переходит по мужской линии как неделимый майорат и не может быть ни продано, ни заложено, ни проиграно. Свободный же доход и наличные средства...» —

Свободные средства Николас и промотал. За три сезона в Лондоне он спустил все, что старик копил сорок лет — материнское наследство, проценты с аренды, деньги, отложенные на ремонт крыши. Спустил на «Крокфордс», на лошадей, которые падали на скачках, и на женщин, которые смеялись, когда он уходил.

Когда поверенный мистер Григгс из конторы «Григгс и сын» в Труро прислал ему письмо, в котором учтиво сообщал, что кредиторы подали в суд и что в Лондоне ему лучше не появляться до уплаты хотя бы половины, Николас понял — пора ехать в ссылку.

Карета его прибыла в Рейвенхолл в сумерках. Дворецкий умер еще два года назад, и встретила его миссис Ходж — экономка, служившая здесь сорок лет, с лицом, выдубленным ветрами, как и сам камень Рейвенхолла.

— Мистер Николас, — сказала она без особой радости. — Комнаты протоплены. Только в северной башне холодно. Там теперь...

— Что там теперь? — спросил он, снимая перчатки. Перчатки были из тонкой французской кожи, уже потертые.

— Там теперь мисс Эштон, сэр.

— Какая еще мисс Эштон?

Миссис Ходж поджала губы. Так поджимают губы женщины, когда считают, что джентльмен ведет себя неприлично, но сказать прямо не могут.

— По завещанию покойного лорда, сэр. Дальняя родственница. Сирота. Из пансиона Святой Маргариты в Бате. Покойный лорд приказал дать ей кров до замужества и тридцать фунтов в год из доходов. Если вы ее прогоните, мистер Григгс сказал, завещание можно будет оспорить. Уж прости-

те, что говорю.

Николас усмехнулся. Старик был хитер даже из могилы.

— И где она? Эта мисс Эштон?

— В башне, сэр. Читает. Она всегда читает.

В тот же вечер он увидел ее. Он шел в библиотеку за бренди — в Рейвенхолле не было нормального погреба, только то, что осталось от старика. На узкой винтовой лестнице, что вела в северную башню, показался свет свечи.

Она спускалась. Тонкая фигура в старом синем платье, которое явно перешивали не раз. Темные волосы заплетены в простую косу, на плечах — шаль, связанная, кажется, ею самой. В руках — свеча и книга.

Увидев его, она остановилась. Свет упал на ее лицо. Ей было не больше двадцати. Бледная, с большими серыми глазами, которые смотрели прямо и немного испуганно.

— Боже, — сказал Николас, и в голосе его была усталость после дороги и легкая насмешка, к которой он привык в Лондоне. — Так вы и есть привидение северной башни? А я думал, у нас водятся только мыши.

Она не улыбнулась. Только крепче сжала свечу.

— Я Шарлотта Эштон, сэр. Полагаю, вы мистер Николас Тремейн, новый хозяин Рейвенхолла.

— Хозяин, — повторил он, подходя ближе. От нее пахло не духами, а старой бумагой и вереском. — Хозяин каменного мешка без денег и с протекающей крышей. А вы, стало быть, моя кузина по завещанию?

— Дальняя родственница, сэр.

— И что вы делаете в моем доме, дальняя родственница?

Вопрос прозвучал грубее, чем он хотел. Она подняла подбородок. Глаза ее блеснули.

— Живу, сэр. По тому же завещанию, по которому вы здесь хозяин. Тридцать фунтов в год и кров. Если вам угодно проверить, бумаги у мистера Григгса в Труро.

На секунду он растерялся. В Лондоне женщины отвечали на его грубость либо слезами, либо кокетством. Эта отвечала прямо.

— Дерзко, — сказал он, но уже без злости, с любопытством.

— Простите, сэр, — тихо сказала она и обошла его, спускаясь вниз, в кухню, где, как он слышал, у миссис Ходж был жар. — Мне нужно отнести суп миссис Ходж.

Она прошла мимо, оставив после себя запах вереска. А он остался стоять на лестнице, держась за холодный камень, и смотрел на свет ее свечи, пока он не исчез внизу. И впервые за три года дороги из Лондона в Корнуолл ему не было скучно.

Глава 2. Свечи

Шарлотта Эштон любила северную башню. Там было холодно — ветер дул сквозь щели в ставнях, и зимой на подоконнике появлялся иней изнутри. Но там был маленький камин, который можно было протопить одной охапкой дров, и стол у окна, откуда было видно море.

Тридцать фунтов в год — это было очень мало. В пансионе Святой Маргариты в Бате ее научили, что леди должна уметь вести счета. И она вела: десять фунтов — на платье, которое перешивала сама, пять — на башмаки, пять — на свечи и мыло, остальное — на книги и на то, чтобы иногда купить

мяса вдове Пенроуз.

В тот вечер, после встречи на лестнице, она долго не могла уснуть. Хозяин оказался не таким, как она представляла. Она думала, что он будет старым, как покойный лорд. А он оказался молодым, высоким и с такими глазами, от которых в пансионе велели отводить взгляд.

На другой день она спустилась в столовую. Миссис Ходж лежала с жаром, и Шарлотта несла ей бульон. В столовой, где не топили уже месяц, сидел он. В утреннем халате, небритый, с бокалом бренди, хотя было всего одиннадцать утра.

— А, святая, — сказал он, увидев ее. — Все-таки спустились со своей башни. Я думал, вы питаетесь молитвами.

Она поставила миску на поднос и выпрямилась.

— Я несла бульон миссис Ходж, сэр.

— Миссис Ходж? — Он поморщился. — Вечно она болеет. Наверное, от скуки. Здесь все болеют от скуки.

— Здесь холодно, сэр. От холода тоже болеют.

— Вот как? — Он откинулся в кресле и смерил ее взгля-

дом — тем самым лондонским взглядом, которым оценивали женщин в Воксхолле. — А я думал, вы, пансионские бабы, не замечаете холода. Вы же закаленные молитвами.

Она вспыхнула. Щеки ее порозовели, и это сделало ее вдруг очень хорошенькой.

— Я замечаю холод, сэр. Потому что живу в башне, где дует со всех щелей. И замечаю, что у нас нет денег на свечи, потому что вы, простите, промотали все свободные деньги в Лондоне, и теперь мистер Григгс не присылает даже на ремонт крыши.

Наступила тишина. Так с ним не разговаривала ни одна женщина в Рейвенхолле. Миссис Ходж только ворчала. Горничные хихикали.

Николас медленно поставил бокал на стол.

— Ого, — сказал он тихо. — У мышки есть зубы. Кто вам рассказал про мои дела, мисс Эштон? Григгс? Миссис Ходж?

— Никто, сэр. Я умею читать счета. На кухне лежит книга расходов. Там написано, что в прошлом месяце доход с аренды был семьдесят фунтов, а из них пятьдесят ушло на проценты по вашим векселям в Лондоне. Остальное — на

еду и на дрова. На свечи не хватило.

Он смотрел на нее во все глаза. Она стояла перед ним в своем старом синем платье, с подносом в руках, и отчитывала его, как нашкодившего мальчишку. И делала это без страха.

— Вы правы, — сказал он вдруг, и в голосе его не было насмешки. Была усталость. — Денег нет. Майорат есть, а денег нет. Стены есть, а крыши, считай, нет. Я хозяин каменного мешка. И вы — моя нахлебница по завещанию, которую я не могу выгнать, даже если захочу. Потому что тогда Григгс меня засудит.

— Я не нахлебница, сэр, — тихо сказала она. — Я живу здесь по закону. Как и вы. И если вы нарушите условие завещания, вы лишитесь всего. Так что нам обоим лучше беречь то, что есть. И свечи тоже.

Она взяла поднос и пошла к двери. У самой двери обернулась:

— Бульон остынет, сэр. Если хотите, я могу принести и вам. Только без бренди.

И вышла, оставив его сидеть с открытым ртом и с бокалом

в руке.

Он смотрел на закрытую дверь и чувствовал, как в груди поднимается что-то странное — не злость, а смех. Тихий, удивленный смех.

— Тридцать фунтов в год, — пробормотал он. — За такие деньги она еще и отчитывает меня.

И допил бренди одним глотком.

Глава 3. Гости

Они приехали в пятницу к обеду — трое джентльменов в измятых сюртуках, на усталых лошадях, с чемоданами, в которых звякали бутылки. Те, кого в Лондоне называли «младшими сыновьями» — без майората, без надежд, с одними долгами.

Капитан Томас Хартли, тридцати лет, с лицом, обветренным в Испании, где он продал свой патент, чтобы заплатить за карточный долг. Мистер Перегрин Фокс, двадцати пяти лет, тонкий, язвительный, сочинивший в Лондоне столько фривольных куплетов, что его перестали пускать в приличные дома. И лорд Эдмунд Бэссет, младший сын маркиза Бэссета, двадцати семи лет, красивый, как Аполлон, и промо-

тавший уже два состояния — свое и чужое.

— Ник! Старина! — закричал Бэссет, вваливаясь в холл Рейвенхолла. — Мы услышали, что ты теперь лорд! Приехали поздравить и помочь тебе потратить твоё наследство!

— Наследство уже потрачено, — сухо сказал Николас, но обнял их. Впервые за месяц в доме было шумно.

Миссис Ходж, ещё слабая после жара, бегала по кухне, причитая:

— Шампанского нет, сэр! Мистер Григгс не прислал денег! Есть только сидр и бренди покойного лорда!

— Сойдет и бренди! — крикнул Хартли.

Шарлотта в это время была в Пенрине. Она ходила туда каждый день — учила детей вдовы Пенроуз читать, помогала викарию Тревеллиану разбирать церковные книги. Возвращалась она к двум часам, с корзиной, где лежало два яйца — подарок вдовы.

Она вошла в столовую, не зная, что в доме гости, и застыла на пороге.

Три пары глаз — хмельных, любопытных, оценивающих — уставились на нее.

Подол ее платья был забрызган грязью, коса растрепалась от ветра, щеки горели. Но глаза были ясные и спокойные.

— Помилуй бог, Ник! — воскликнул лорд Бэссет, вставая и едва не опрокинув стул. — Ты говорил, у тебя в башне поселилась полевая мышка! Это же... это же Диана! Нет, нимфа!

Николас сидел во главе стола, в расстегнутом жилете, с бокалом в руке. На лице его была та самая небрежная, лондонская улыбка, от которой Шарлотта уже научилась отводить глаза.

— Моя кузина, мисс Эштон, — произнес он, растягивая слова. — Из пансиона. Живет здесь по завещанию старика. Весьма набожная особа, господа. Прошу быть деликатнее. Мисс Эштон падает в обморок от слова «жеребец». Вчера уже падала.

Это было подло. Он выдал ее вчерашнюю отповедь про свечи за анекдот, чтобы потешить друзей. И смотрел — что она сделает.

Шарлотта побледнела. Пальцы ее крепче сжали ручку корзины. Но она не убежала. Поставила корзину на буфет и сделала легкий реверанс.

— Добрый день, джентльмены.

После обеда, который состоял из холодной баранины и сидра, перешли в маленькую гостиную, где был камин. Ее пригласили из вежливости — чтобы не оставлять одну.

— Сыграем в пикет? — предложил Хартли. — Мисс Эштон, вы играете?

— Нет, сэр. В пансионе не учили.

— И правильно! — засмеялся Фокс. — В пансионе учат только молиться и краснеть!

Лорд Бэссет подсел к ней ближе. От него пахло дорогим одеколоном и вином. Он взял ее руку — холодную, с царапиной от вереска, с обломанным ногтем.

— Мисс Эштон, вы так бледны, — начал он вкрадчиво, тем голосом, каким говорил с актрисами в Лондоне. — Такая красота пропадает в этой глуши. Вам бы пошли рубины. Или бархат. Хотите, я пришлю вам из Лондона? Стоит толь-

ко сказать слово. Ваш кузен, — он кивнул на Николаса, — все равно не может вам этого дать. У него, как я слышал, майорат есть, а денег нет. А у меня есть.

Его пальцы сжали ее ладонь. На столе блестели союзерны, которые он выложил для игры.

Шарлотта посмотрела на его пальцы, потом — на Николаса. Тот сидел в кресле, крутил в руках бокал и наблюдал. Не вмешивался. Испытывал. Проверял, клонет ли она на блеск.

Она осторожно, но твердо высвободила руку.

— Покорнейше благодарю, милорд, — сказала она ровным, тихим голосом, от которого в комнате вдруг стало тише. — Но рубины не спасут от сквозняка в северной башне. А бархат не согреет зимой. У нас майорат, как вы верно изволили заметить. Доход идет на крышу и на проценты кредиторам мистера Тремейна. Мистер Григгс из Труро строго за этим следит.

Она говорила спокойно, но каждое слово било в цель. Николас вспыхнул — она попала в самое больное место. Он действительно не мог купить ей даже ленты.

— Если же вы хотите употребить деньги с пользой, —

продолжила Шарлотта, глядя прямо на Бэссета, — в деревне Пенрин у вдовы Пенроуз трое малолетних детей спят на голый соломе. Их отец погиб в море в прошлом году. Одеяло было бы для них куда нужнее, нежели рубины для меня. Оно стоит всего пять шиллингов.

Бэссет смешался. Он ожидал кокетства, слез, может даже пощечины. Но не такого спокойного, разумного ответа. Так с ним не разговаривала ни одна женщина в Лондоне.

Капитан Хартли, сидевший рядом, кашлянул и с невольным, грубоватым почтением посмотрел на нее:

— Кхм. А у пташки-то есть коготки, Бэссет. Слышал? Пять шиллингов. А ты ей рубины сулишь.

К вечеру они изрядно выпили. Мистер Фокс, разгоряченный бренди, изволил читать свои куплеты — столь срамные, что миссис Ходж, перекрестившись, вышла вон, бормоча молитву.

— А вот это, господа, про пастушку и пастуха! — крикнул Фокс, вскакивая на стул. — Послушайте, мисс Эштон! Вам, как невинной деве, должно быть страшно такое слышать? Прикажете прочесть что-нибудь поприличнее? О пастушках, что стерегут овечек?

Все засмеялись. Николас — тоже, но глаза его были прикованы к ней. Он ждал — убежит ли.

Шарлотта стояла у камина, в том же синем платье. Свет от огня падал на ее лицо. Она не убежала. Не покраснела.

— Извольте, мистер Фокс, — сказала она, когда он закончил, и голос ее был спокоен, как у учительницы в пансионе. — Только сперва растолкуйте мне одну вещь, коли вы такой знаток пастушек. Если пастушка в куплете вашем столь охотно отдается пастуху на сене, отчего же после пастух сетует в третьем куплете, что она холодна и неласкова? У вас неувязка, сэр. Или сено было сырое, оттого она и продрогла, или пастух — никудышный рассказчик, коли не сумел согреть девицу.

Наступила тишина. А затем капитан Хартли захохотал так громко, что пролил бренди на ковер.

— Браво! — заорал он, хлопая себя по коленям. — Фокс, тебя побил монашка! «Никудышный рассказчик»! Ой, не могу! Сено сырое!

Фокс сперва надулся, покраснел, а потом и сам расхохотался, кланяясь ей чуть ли не до полу:

— Признаю поражение, мисс! Вы опаснее всех цензоров в Лондоне! Беру свои слова обратно!

Николас не смеялся. Он глядел на нее во все глаза, и в глазах его было что-то новое — удивление пополам с уважением.

Она не прельстилась ни золотом, ни лестью. Не устрашилась срамных слов. Она стояла и отчитывала их, как нашкодивших школяров, спокойно и разумно, с той же грозой в серых глазах, что и в тот день, когда говорила про свечи.

И его друзья — люди циничные, прожженные, выдавшие всяких женщин от Ковент-Гардена до Бата — перестали видеть в ней забаву. Они смотрели на нее с настоящим, мужским уважением.

— Черт возьми, Ник, — шепнул ему Бэссет, когда она вышла, сославшись на вечернее правило, — где ты отыскал такую? Она... она настоящая. Не жеманница.

Слово повисло в воздухе гостиной, где пахло бренди и табаком.

Настоящая.

В ту ночь приятели, хмельные, разбрелись по гостевым спальням, уводя с собой хихикающих горничных из деревни, которые прибежали в Рейвенхолл на шум. Николас же остался в гостиной один. На столе — пустые бутылки, карты, а в голове — ее голос: «Одеяло было бы куда нужнее».

Он хотел доказать себе, что она такая же, как все — падкая на блеск и на ласку. Что всех женщин можно купить. Тогда бы можно было забыть о свете в башне и спать спокойно.

Но испытание провалил не она, а он. Он натравил на нее трех самых прожженных повес Лондона, а они склонились перед ней.

И тогда в голове его, праздной и циничной голове Николаса Тремейна, впервые за много лет шевельнулась другая мысль, от которой бросило в жар.

А что, если ее лед можно растопить? Какая она станет, когда растает? Этот живой ум, этот дерзкий язык, эти глаза, что пылали, когда она сердилась? Что, если она посмотрит на него так, без укора, с теплом?

И еще более странная мысль: что, если путь к ее постели лежит не через постель вовсе? Что, если к ней нельзя под-

ступиться ни рубинами, которых у него нет, ни наглостью, которая на нее не действует? Что, если ее можно взять только уважением?

Мысль была дикой для человека, который всю жизнь брал женщин подарками и лестью. Но она будоражила сильнее, чем все куплеты Фокса.

Чтобы добиться ее уважения, надо было разделить с ней хоть часть того, чем она живет. Ее деревню. Ее работу. Ее дурацкую, наивную возню с крышами и одеялами, которую он еще вчера считал утопией.

Глава 4. Доски

Путру он проснулся рано — впервые за многие годы без головной боли, потому что почти не пил ночью. Приятели еще храпели в гостевых комнатах, обнимая пустые бутылки.

А он велел оседлать вороного жеребца и поехал не в Труро, где его ждали кредиторы, а в Пенрин.

В деревне его знали плохо. Знали старого лорда, знали миссис Ходж, а молодого Тремейна видели только мельком, когда он проезжал на охоту. Поэтому, когда он спешил к церкви Святого Михаила и крикнул викарию Тревеллиану,

тот чуть не выронил молитвенник.

— Сколько надобно, дабы залатать сию прореху, святой отец? — спросил Николас, указывая на дыру в крыше ризницы, откуда капало прямо на церковные книги.

Викарий, маленький, суетливый человечек в потертом сюртуке, изумился:

— Мистер Тремейн? Вы... вы в храме? В будний день? Да еще...

— Я спрашиваю — сколько? — нетерпеливо повторил Николас. Он сам не понимал, зачем кричит. Ему было неловко стоять здесь, в церкви, где он не был десять лет.

— Два фунта, сэр, — пролепетал викарий. — Два фунта на доски и гвозди. Да плотники...

— Будут, — бросил Николас. — Пришлю из Рейвенхолла. Из хозяйственных денег. Мистер Григгс пропустит — это ремонт церковного имущества, он обязан.

Через час в Пенрин прибыли два плотника из Рейвенхолла — старый Том и его сын — с досками, гвоздями и лестницами. А с ними — и он сам.

Без сюртука. В одной рубашке, рукава закатаны до локтей, жилет расстегнут и перепачкан в пыли. Волосы растрепаны ветром с моря. В руке — молоток, которым он орудовал весьма неловко, но с большим, мальчишеским упрямством.

— Да держи ты ровно, Том! — кричал он, стоя на шатких лесах. — Вижу, что криво! Я, по-твоему, слепой?

Старый Том кряхтел:

— Мистер Николас, вы бы слезли, а? Упадете, шею свернете, а мистер Григгс с меня спросит...

Именно в этот момент к церкви подошла Шарлотта.

Она шла с корзинкой — в ней лежали нитки, кусок полотна для вдовы Пенроуз и букварь для ее старшего мальчика. У церковной ограды стояли две лошади, и одну — вороного жеребца — она узнала сразу.

Она обошла церковь и остановилась, глядя наверх.

На крыше ризницы стучали плотники. А внизу, на лесах, балансируя и ругаясь сквозь зубы, стоял он.

— Мистер Тремейн...

Он обернулся на ее голос и едва не потерял равновесие. На лице его промелькнула досада — как у мальчишки, застигнутого за тем, чего он стеснялся.

— Мисс Эштон? — Он быстро отложил молоток, пытаясь принять свой обычный небрежный вид, но рубашка, прилипшая к спине от пота, выдавала его с головой. — Что вы здесь делаете?

— Я могла бы спросить то же самое у вас, сэр, — сказала она, подходя ближе. Щеки ее розовели от ветра, глаза блестели от удивления. — Вы... чините крышу?

— Я надзираю, — поправил он важно, хотя руки его были красные от работы, в пыли, с ссадиной на костяшках. — Это большая разница, мисс Эштон. Джентльмены не работают руками. Джентльмены надзирают. А то эти бездельники и гвоздя ровно не вобьют.

— Вам не идет, — тихо сказала она, глядя на него снизу вверх.

— Что именно?

— Когда вы притворяетесь, что вам все равно.

Он замолчал. Ветер трепал его волосы. Внизу, во дворе, старый Том делал вид, что очень занят доской.

— А вам не идет, — сказал Николас вдруг так же тихо, — когда вы делаете вид, что вам все равно, что я здесь.

Шарлотта вспыхнула до корней волос и отступила на шаг. К его насмешкам она привыкла — от них легко было защищаться. А от такой прямоты защищаться было нечем. И от этого снова заволновалась — не за него, а за себя, за то, как отзывается ее сердце на его близость, на его вид без сюртука, с молотком.

— Мне нужно идти, — быстро сказала она. — Меня ждет вдова Пенроуз.

— Постойте.

Он прыгнул с лесов — легко, по-мальчишески, как прыгал в детстве с сеновала. Оказался совсем рядом. От него пахло деревом, потом и ветром с моря. Не бренди и не помадой, как от его приятелей.

— Я хотел спросить... — он вдруг замялся, что было на

него совсем не похоже. — Те одеяла... ну, те, что миссис Ходж отправила вчера вдове Пенроуз... из хозяйственной экономии... Им... им хватило? Ну, детям? Миссис Ходж сказала, что отправила два, а там трое детей...

Шарлотта подняла на него изумленные глаза. И поняла.

— Так это были вы? — прошептала она. — Миссис Ходж сказала, это от экономии замка, что осталось...

— Миссис Ходж много болтает, — буркнул он, отворачиваясь и краснея ушами. — Так хватило?

— Да, — тихо ответила она. — Хватило. Младшие спят вместе, под одним. Вдова плакала, сэр. Сказала, впервые за зиму дети не кашляют ночью.

Он кивнул, будто это было неважно, пустяк.

— Ну и хорошо. А то ноют, спать холодно. Мешают мне охотиться. Вопли их слышно аж до замка.

Она не выдержала и улыбнулась. Впервые — не сдержанной улыбкой леди из пансиона, а настоящей, теплой улыбкой, от которой на щеках ее появились ямочки, а в глазах — свет.

— Вы ужасный лжец, мистер Тремейн.

— Знаю, — сказал он и тоже улыбнулся. Без насмешки. Просто улыбнулся, и лицо его от этого стало совсем другим — моложе, чище.

Они стояли так посреди церковного двора, под стуком молотков, под криками чаек с моря. Он — в расстегнутой рубашке, с молотком, она — в старом синем платье, с корзиной.

— Мне правда нужно идти, — тихо повторила она, но уже без прежней поспешности.

— Идите, — сказал он. — А я тут еще понабзираю. А то эти бездельники без меня и крышу набок поставят.

Она пошла по тропинке к деревне, чувствуя спиной его взгляд. И на этот раз ей не хотелось вернуть себе холодность, не хотелось спрятаться в башне. Ей хотелось обернуться. И от этого беспокойства — за свою реакцию, за свое сердце, которое вдруг перестало слушаться правил из пансиона — щеки ее горели еще долго, даже когда она уже сидела у вдовы Пенроуз.

А Николас смотрел ей вслед, стоя с молотком в руке, и думал, что тридцать фунтов в год — чертовски мало, а одно одеяло — чертовски много, если от него кто-то перестает плакать. И что лед, кажется, дал первую трещину. И что работа плотником, пожалуй, не так уж дурна, если в конце дня на тебя так смотрят.

Глава 5. Дорога домой

Сумерки в Корнуолле — это не фонарщик в Лондоне. Это когда вереск теряет цвет, а море становится одного тона с небом. И ветер начинает говорить в трубах Рейвенхолла.

Шарлотта задержалась у Пенроузов. У младшего был жар. Она поставила ему горчичный пластырь, как учили в пансионе Святой Маргариты, и просидела, пока его дыхание не выровнялось. Когда вышла, уже почти стемнело и моросил мелкий дождь.

У ограды церкви Святого Михаила ждали две лошади — ее Пегги и его вороной. Он стоял там же, где она его оставила. Сюртук накинут на плечи, рубашка влажная на спине. Молоток оставил плотникам.

— Мисс Эштон, — сказал он без обычной своей рисовки.
— Темнеет. По пустоши одной не ходят.

Она должна была отказаться. Мадам Дюпре учила: леди не остается с джентльменом без компаньонки после заката. Но пустошь была темна, тропинка — едва видна.

— Благодарю вас, мистер Тремейн, — сказала она и взяла повод Пегги.

Они пошли рядом. Какое-то время молчали. Только вереск шуршал под башмаками и море билось внизу.

— Мальчик как? — спросил он, глядя вперед.

— Уснул. От сырости, — ответила она. — Теперь, когда ризница будет сухой, мистер Тревеллиан даст им дров.

— Два фунта за доски, — буркнул он. — Григгс запишет как церковные расходы. Он любит графы.

Она посмотрела на него сбоку. В мокрой рубашке, с растрепанными ветром волосами, он был совсем не похож на человека, который вчера сидел в гостиной с бокалом.

— Вы ловко управлялись с молотком, сэр.

— Меня учил старый Джонс, — сказал он. — Плотник здесь. У него не было двух пальцев на левой руке. Когда мне было тринадцать, меня прислали к деду. Я был никому не нужен. Младший сын младшего сына. Мать умерла в Бате, отец пил в Лондоне. Дед меня терпеть не мог.

Он говорил ровно, будто о чужом счете. Так говорят англичане о том, что болит.

— Джонс показал мне, как держать рубанок. Я сделал скворечник. Кривой, косой. Дед сказал, что его стыдно даже в печь положить. А я повесил на дуб у конюшни. И туда прилетели скворцы.

Шарлотта тихо улыбнулась.

— Потом был Итон. Там объяснили, что джентльмен руками не работает. Что у джентльмена другие занятия. Карты, вино. Я поверил. Потому что так легче.

Они прошли еще несколько ярдов. Вереск цеплялся за ее подол.

— А вы, мисс Эштон? — спросил он. — Вы всегда были в пансионе?

— Нет, сэр. До пансиона я была в приюте при пансионе, — ответила она тем же ровным тоном. — Моя мать была гувернанткой в Девоншире. Отец умер, когда мне было шесть. Она отдала меня в приют — там брали дочерей гувернанток бесплатно, если они чистят котлы.

— Котлы?

— С восьми лет, сэр. До крови на руках. Училась читать по старым счетам на обороте, потому что книг нам не давали. Мать приезжала на Рождество. Привозила одно яблоко. Мы делили его перочинным ножиком. Поровну. Чтобы было честно.

Она говорила без жалости к себе. Просто как было.

— В прошлом году она умерла. Чахотка. И я осталась одна. Тридцать фунтов и кров в северной башне по завещанию лорда, которого я не знала.

Николас остановился. Лошади тоже.

— Шарлотта, — сказал он тихо.

Впервые по имени. Не «мисс Эштон».

Она стояла к нему спиной. Тонкая, в намокшей шали. Плечи дрожали от холода.

— Простите, сэр. Это было неприлично.

— К черту приличия, — сказал он хрипло и сделал шаг к ней.

И вот тут воздух изменился.

Между ними остался один ярд. Один ярд — расстояние вытянутой руки. По английским приличиям — достаточно, чтобы честь была не задета. По тому, что чувствовали они — слишком мало, чтобы дышать спокойно.

Она обернулась. И оказалась с ним лицом к лицу. Слишком близко.

Он видел капли дождя на ее ресницах. Видел, как бьется жилка на ее шее, как приоткрылись губы — она дышала часто. От нее пахло не духами, а дождем и той самой мазью, которой она мазала мальчика. И этот запах был для него сильнее любых духов в Лондоне.

Она видела его глаза — совсем рядом, темные, с расши-

ренными зрачками. Видела, как напряглась его шея, как сжались кулаки, чтобы не протянуть к ней руки. Чувствовала жар, который шел от его мокрой рубашки. И от этого жара по ее спине прошла дрожь, которой она не хотела, не ждала и не могла скрыть.

Химия была плотной, почти осязаемой. Как перед грозой, когда воздух звенит. Если бы он сейчас коснулся ее шали, ее руки — искра бы проскочила. Оба это знали.

И оба замерли.

Она не желала этого признавать. Она начала уважать его — уважать как личность, как человека, который помнит, как держать рубанок, и который не стыдится сказать, что поверил в легкую жизнь, потому что так легче. Уважать за правду. И это уважение пугало ее больше, чем его прежние насмешки. Потому что уважение тянуло за собой вот это — это притяжение, от которого подкашиваются колени и хочется подойти еще на полшага ближе, хотя все правила говорят — отойди.

Он не только хотел ее. Впервые в жизни он хотел женщину и одновременно уважал ее. Уважал не за то, как она танцует, а за котлы и за яблоко пополам. За то, как она держит спину, когда у нее ничего нет. И от этого уважения желание стано-

вилось только острее, плотнее, почти нестерпимым. Потому что хотелось не просто взять, а быть достойным того, чтобы она сама позволила.

— Вы дрожите, — сказал он тихо, глядя на ее губы.

— Это от дождя, сэр, — прошептала она, но голос ее дрогнул. И он услышал.

Он поднял руку. Медленно. Так медленно, что она могла отойти. Снял с ее шали прилипшую веточку вереска. Пальцы его почти коснулись ее щеки — не коснулись, но она почувствовала тепло. На расстоянии в дюйм.

Ее дыхание сбилось. Она отшатнулась, но не далеко — всего на полшага. И глаза ее, серые, пылающие, сказали ему все. Она чувствовала то же самое. И не хотела чувствовать.

— Нам пора, — прошептала она, и в голосе ее была не холодность, а дрожь.

— Да, — сказал он хрипло. — Пора.

Он первым отступил. На шаг. Разорвал этот плотный, искрящий воздух между ними. Дал ей пройти вперед.

— Идите вперед, мисс Эштон. Я пойду сзади. Чтобы вы не оступились.

Она пошла, не оглядываясь, чувствуя, как горит то место на шали, где его пальцы были в дюйме от ее кожи. Каждый ее шаг отдавался в нем. Каждый шорох ее платья по вереску был громче моря.

Он шел сзади, ведя двух лошадей, и смотрел на ее тонкую фигуру. И думал, что два фунта за доски — ничто за то, чтобы стоять так близко и чувствовать, как между вами искрит воздух. И что он впервые уважает женщину так, что хочет быть лучше ради ее уважения.

Вдали, на скале, светилось одно окно Рейвенхолла — ее окно в северной башне. Оно вело их домой.

И оба шли молча, через дождь и вереск, чувствуя спиной взгляд друг друга, зная, что между ними теперь есть невысказанное признание. Не в словах. В том, как сгущается воздух, когда они оказываются ближе вытянутой руки. И что от этого притяжения уже никуда не деться.

—

Дождь догнал их уже у самых ворот Рейвенхолла.

Когда они вошли в холл, с них текло. С ее шали — на каменный пол, с его рубашки — на ковер, который и так видал виды.

Миссис Ходж, дремавшая у кухни, вскочила, ахнула и всплеснула руками:

— Господи! Мисс Эштон! Вы же промокли насквозь! Сейчас же горячую воду в башню! И... и мистер Николас, вы...

— Мы пережили, миссис Ходж, — оборвал он ее. Голос его был хриплым от дождя и от того, что было на пустоши. — Не поднимайте шума. Мисс Эштон идет в библиотеку. Там камин. А вы принесите туда... принесите сухое одеяло и... и бренди. И оставьте нас. Идите спать.

Миссис Ходж посмотрела на них — на мокрую Шарлотту, на Николаса без сюртука — и, к чести своей, ничего не сказала. Только кивнула и пошла за одеялом, бормоча про «нынешних молодых».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.